

Нобелевская речь Томаса Элиота 1948 года

Когда я стал обдумывать, что же сказать вам в этот вечер, я хотел лишь очень просто объяснить, что значит для меня высокая честь, дарованная Шведской Академией. Но это обернулось нелегкой задачей: слова — моя профессиональная сфера, но в данном случае они были мне не подвластны. Просто сказать: я сознаю, что мне оказали высочайшую для писателя международную почесть, значило бы лишь повторить уже всем известное. Заявить — я недостоин, значило бы бросить тень сомнения на мудрость Академии; панегирики в ее адрес можно истолковать так, будто я как литературный критик одобряю признание себя как поэта. Поэтому могу ли я попросить вас принять как само собой разумеющееся, что, узнав о присуждении мне этой премии, я испытал естественные для каждого в аналогичной ситуации чувства — восторг, тщеславие, упоение лестью и раздражение, вызванное неудобствами, возникающими у человека, который внезапно стал знаменитостью? Будь Нобелевская премия такой же, как другие премии, но просто повыше рангом, пожалуй, я бы сумел найти слова, воздающие ей должное, но поскольку премия эта особенная, по сути своей отличающаяся от других, найти слова, адекватные испытываемым мною чувствам, трудно.

Поэтому я вынужден попытаться выразить то, что чувствую, непрямо, изложив вам свое представление о значении Нобелевской премии по литературе. Если бы речь шла просто о признании заслуг и известности автора за пределами его страны, у иноязычного читателя, едва ли можно было бы счесть кого-либо из нас, поэтов любых времен, более других достойным такого отличия. Но, на мой взгляд, Нобелевская премия — нечто иное и большее. Присуждаемая представителям разных народов, она, как мне кажется, скорее означает, что человек избран неким, как будто бы свыше ниспосланным актом милости выполнять особую, новую для него роль и стать особым символом. Совершается церемония, в результате коей на человека неожиданно возложена новая для него миссия. И вопрос не в том, достоин ли он столь высокой награды, а в том — сможет ли он выполнить возложенную на него миссию: быть представителем, насколько это вообще возможно для человека, чего-то гораздо более значительного, чем его собственное творчество.

Из всех искусств поэзию обычно считают наиболее привязанной к определенной местности, определенной культуре. Живопись, скульптуру, архитектуру, музыку могут воспринимать все, кто их созерцает и слышит. Но язык, особенно язык поэзии, — совсем иное дело. Может показаться, будто поэзия разделяет, а не объединяет людей.

Но вместе с тем мы должны помнить: язык воздвигает барьеры, зато сама поэзия дает стимул к их преодолению. Наслаждаться поэзией, созданной на другом языке, — значит наслаждаться общением с народом, говорящим на этом языке, значит понять этот народ, и это понимание иным путем недоступно. Вспомним историю поэзии в Европе и великое влияние, оказываемое поэзией одного языка на поэзию другого; нужно помнить о безмерном долге каждого значительного поэта поэтам не только своего языка, но и иноязычным. Вдумаемся — поэзия любой страны и любого языка пришла бы в упадок и погибла, если бы ее не питала поэзия других языков. В обращении поэта к своему народу звучат голоса всех иноязычных поэтов, оказавших воздействие на его творчество. В то же время младшие иноязычные поэты воспринимают его поэзию и в свою очередь передадут частицу его мировосприятия, в известной мере дух его народа своему народу. Частично путем влияния на поэтов, частично через переводы, в которых эти иноязычные поэты на свой лад воспроизводят его стихотворения, частично через читателей, способных прочесть его на его родном языке, поэт может помочь народам понять друг друга.

Конечно, многое в творчестве каждого поэта находит отклик лишь у тех, кто живет в

одной с ним стране и говорит на том же языке. Тем не менее есть смысл в понятии «европейская поэзия» и даже «мировая поэзия». Думаю, именно в поэзии люди разных стран и языков — хотя в любой стране это очевидно лишь по немногочисленному меньшинству — обретают понимание друг друга, и сколь бы неполным, частичным оно ни было, оно все равно существенно. И я расцениваю присуждение Нобелевской премии по литературе поэту прежде всего как утверждение наднациональной ценности поэзии. С этой целью время от времени и награждают поэта: и вот я — перед вами, но не благодаря личным заслугам, а как символ, по крайней мере на какое-то время, высокого назначения поэзии.